

Лариса МАЛЕВАННАЯ:

Когда просят об интервью, отказываться неэтично: или не выбирай такую профессию, или не живи так долго

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ, КОТОРОЙ СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ, НЕ СКРЫВАЕТ СВОЕГО ВОЗРАСТА. «ИНАЧЕ БОЛЬШЕ ДАДУТ — СКАЖУТ, ЧТО МНЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ», — ШУТИТ ОНА

Не скрывает Лариса Ивановна и своих проблем: жизнь в холоднящей квартире в доме на Ординарной улице, где постоянная сырость, а в подъезде на стенах грибок, довела актрису до больницы койки, скажем больше — до онкологической операции на легких. Кстати, несколько лет назад «ечёрка» рассказывала об этом напоминающем букву «П» доме, который всеми силами старались сделать аварийным и расселить, хотя там можно обойтись одним ремонтом. Об инициативной группе жильцов, вставших на его защиту. Однако воз и ныне там. этом убедились ваши корреспонденты, когда пришли к народной артистке в квартиру, чтобы взять интервью, и, несмотря на уютную обстановку, стали мерзнуть. Не сильно спасала от холода даже электрическая батарея, принесенная Ларисе Ивановне сыном. Так что разговор у нас поначалу получился неуболиейный.

СОН ПРО ПУТИНА НЕ В РУКУ

— Да, сложно вам живется — счета за электричество, наверное, огромные...

— Астрономические, — махнула рукой Лариса Ивановна, а потом поделилась новостями: — Только что получила письмо из Краснодара, где в местном театре я поставила три спектакля: один из моих любимых артистов повредил ногу, и теперь надо туда ехать — вводить другого актера. А еще в Киев на съемки надо... Вот какая наша актерская жизнь. То пустыня: сидишь ровно у телевизора или с книжкой, ждешь предложений и... ничего. А то вдруг как начнется: то туда надо, то сюда, то интервью дать, то стихи Ольги Берггольц читать... Но когда ты дожила до 75 лет и журналисты просят об интервью, то отказываться неэтично: или не выбирай такую профессию, или не живи так долго.

— Это точно. Но еще лучше — и дольше пожить, и больше интервью дать... — А вы, к слову, знакомы с Тамарой Владиславовной Петкевич? Очаровательная женщина. Я познакомилась с ней года три назад, когда ей было 90 лет. Я ходила к ней, чтобы прочесть свой сценарий о заключенной в лагере, она же 6 лет отсидела в сталинских лагерях и написала совершенно замечательные книжки о своей жизни: «Жизнь — сапожок непарный» и «На фоне звезд и страха», хотя и немного длинноватые, на мой взгляд. Мой идеал писателя — Чехов, который за всю свою жизнь не написал ни одного романа (спасибо ему большое!), а только рассказы, повести, пьесы и вообще говорил: «Краткость — сестра таланта», что я очень ценю.

— И мы ценим. Но вы же тоже пишете книги — «Песочница», «Горошинка в шкафу»... — Да, вот они, — Лариса Ивановна достает из шкафа книги, а я листаю «Песочни-

цу» и случайно наткнулась на главу «Владимир Путин. Сон». — Лариса Ивановна, вам действительно снился президент?

— Да, но сон мой был не в руку. Хотя я не раз видела пророческие сны. Однажды мне приснился сон про Кирилла Лаврова, когда еще никто не знал его смертельно-

го диагноза. Снился накануне своей смерти и Андрей Толубеев — что он копает большую яму, для того чтобы складывать туда картошку, он был очень практичным человеком. Я ему говорю: «Зачем нужно хранить столько картошки?» А он: «Ну я ведь скоро умру, а Катя жена. — Л. К.) будет продавать ее и какое-то время сможет прожить с девочками. А когда они всю картошку продадут, то тут потом можно устроить поме-

щение для дачников и сдавать его». А вот брат мой перед Новым годом умер — 27 декабря, и ничто во мне не дрогнуло, ничего не приснилось. Он был очень здоровый, очень добрый, очень веселый, младше меня на 8 лет — его все обожали. Но вот сердце...

С ДОМАМИ — ОДНИ НЕПРИЯТНОСТИ

— Еще Фрейд говорил, что сон есть небывалая комбинация бывалых впечатлений...

— Тем не менее я верю в сны. И знаю, что в них очень часто бывают подсказки, впрочем, как и в реальной жизни, которые посылает нам подсознание, но мы их не можем расшифровать... И верю в то, что имя влияет на судьбу. Мне как-то сказали, что если бы меня

назвали не Лариса, а, скажем, Людмила, то у меня была бы более счастливая судьба — меньше было бы в моей жизни катастроф. Лариса с греческого переводится как «чайка», то есть бездомная (при этих словах наш фотокор Наталья Чайка запротестовала. — Л. К.). И у меня постоянно с домами неприятности: здесь ли, на даче, где моя соседка, бывший работник прокуратуры, вырубил на границе наших участков кусты и деревья, а потом на меня подала в суд. Столько вымотала нервов! Но в конце концов суд все решил в мою пользу. И с

дины» дом в покое не оставили — выбили в центре окна, разрушили балконы, вывели батареи парового отопления — словом, сделали все, чтобы дом можно было признать аварийным... Хорошо, что сейчас ситуацию и кочегарят вовсю. А раньше, когда батареи были еле-еле теплые, в шкафиках, где хранится постельное белье, было 14 градусов — нам измеряли температуру. Я простуживалась, кашляла и докашлялась до... онкологии — спасибо замечательному хирургу Игорю Валентиновичу Мосину, который год назад меня оперировал, — теперь я здорова.

— И сразу окунулись в работу? — Вскоре после этой операции я поехала к Андрею Прошкину в Таганрог (а я родилась недалеко от Таганрога, в селе Федоровка Ростовской области), чтобы сниматься в военном сериале «Чарли» (ремейк французского фильма «Старое ружье») и жутко заболела бронхитом: в одной из сцен мне пришлось выбежать на мороз в ночной сорочке. В итоге я попала в больницу, но меня быстро поставили на ноги. Потом приехала в Петербург, но и здесь заболела и попала в больницу на две недели. Я поухудела на 12 кг. Но потом восстановилась.

МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И КРАСНОДАРОМ

— Лариса Ивановна, а сейчас что происходит с домом?

— Три-четыре года назад мы победили: экспертизу признали недействительной, а дом не разрешили сносить. Но потом выяснилось, что разорилась контора Артура Кириленко, которого за один только «Монблан», изуродовавший облик Петербурга, надо было гнать отсюда, а он сам сбежал в Париж. Наш дом кто-то перекупил, но новые хозяева не торопятся его восстанавливать, и мы ходим каждый раз возле этого дома, как возле незахороненного покойника. Я обращалась к местным властям, к главе администрации района, но все мимо-мимо-мимо. И у меня уже нет сил, чтобы добиваться ремонта дома. Поэтому как только у меня появляется возможность куда-то уехать — уезжаю. Я все время пропадаю в Краснодаре — ставлю спектакли. Там меня обожают, и я их тоже обожаю. Там так тепло, так сердечно, такая взаимная любовь, что расцветаете, обогреваете. А в Петербурге я мерзну, мне холодно. Что меня сюда занесло, почему я здесь живу — просто не понимаю.

Лариса Ивановна готова уехать погреться в Краснодар.

— Хочу у вас прямо спросить: вы не любите Петербург?

— Я с детства мечтала жить в этом городе, считала, что он — моя судьба, и не представляла себе жизни в другом месте. Но это только нам кажется, что мы выбираем. Я читаю много интересных книжек и усвоила, что мы нужны как связующее звено между космосом и землей. Каждый человек уникален и вырабатывает свои вибрации, даже у бомжей они есть. Мы получаем энергию из космоса, каким-то образом перерабатываем ее и отдаем земле. И в итоге находимся там, где нужнее всего наши вибрации. И я нужна была в этом городе. Поэтому он манил меня, соблазнял. Потом он, видимо, перестал нуждаться в моих вибрациях. И я понадобилась в Краснодаре, где мне так хорошо, что я просто счастлива. Ситуация с этим домом меня надломил, внушила мне страх — никто не хочет слышать, не хочет понять, принять участие...

— Может, еще раз попробуете?

— Конечно же, все живое... Даже целлюлоид. Один из моих любимых режиссеров — Ингмар Бергман, когда снимал фильм, кажется, «Источник», где были моменты агрессии, жестокости — так пленка среагировала: она плавилась, на ней появлялись пятна. Думаю, неправильно ответил страх — никто не хочет слышать, не хочет понять, принять участие...

— Такой принцип — относиться к механизмам, к предметам, которые тебя окружают, как к живым, — исповедуют йоги... — Конечно же, все живое... Даже целлюлоид. Один из моих любимых режиссеров — Ингмар Бергман, когда снимал фильм, кажется, «Источник», где были моменты агрессии, жестокости — так пленка среагировала: она плавилась, на ней появлялись пятна. Думаю, неправильно ответил страх — никто не хочет слышать, не хочет понять, принять участие...

— Нельзя ругать квартиру? — А если вам обратиться к президенту Путину? Когда Алиса Фрейндлих отмечала юбилей и выяснилось, что она ждет в гости ладимира ладимировича, то ей в два счета отремонтировали обшарпанный подъезд... — Вы знаете, когда мы отстаивали наш дом, то обращались в Общественную приемную Путина. Там к нам внимательно отнеслись, и после этого ситуация как-то утряслась.

— Вы знаете, когда мы отстаивали наш дом, то обращались в Общественную приемную Путина. Там к нам внимательно отнеслись, и после этого ситуация как-то утряслась.

торую часть интервью читайте в пятничном выпуске « П » 24 января.

Беседавала Людмила КЛУШИНА
Фото Натальи ЧАЙКИ

Полную версию интервью читайте на сайте vppress.ru

«Перекладину» дома купили, но ремонтировать не собираются.

Грибок на стенах не волнует жильцов.

этим домом я натерпелась — то сплошные протечки, то холод, а когда я вселялась, соседи напротив были наркоманы...

— Когда мы к вам шли, видели фасад, затянутый зеленой сеткой... — Мой дом стоит буквой «П». Я живу в «ножке», а «перекладину» купили лихие люди — некто Артур Кириленко, говорят, multimиллионер. Его фирма сделала фиктивную экспертизу — дескать, дом аварийный, его надо сносить. Но нашей инициативной группе удалось это оспорить, правда, ценой нескольких жизней и ценой моего здоровья. Тем не менее хозяева «перекла-